

СОЗВУЧИЕ

Не плачу, не жалею, не зову,
мир уходящий всё равно вернётся,
ты снова упадешь в его траву,
глотнёшь воды из милого колодца.
Но прав поэт, родная красота
в грядущей жизни поменяет лики.
Трава зазеленет, да не та,
мелькнут в воде совсем иные блики.
Есть в каждой нашей встрече древний зов
и тонкая печаль неузнаванья.
В нас это просыпается без слов,
всю суть твою пронзив до основанья,
когда, склоняясь к дорогим губам,
почуешь жар Божественного гнева
и то, что ты — обманутый Адам,
которого нашла в капусте Ева.
И приходя на землю каждый раз
из тишины, что спрятана за кадром,
соединяешь вечный праздник глаз
с есенинским прощаньем незакатным.

* * *

Нам реки всякой мудрости пролиты
для вечного спасения души.
Мы повторяем древние молитвы
и сами сочиняем их в тиши.
Томимы все подряд духовной жаждой.
Мы даже вникли: Бог — как океан,
из коего напиток может каждый.
Но каждый бьётся лишь за свой стакан.

ЕЛЬ

Там, где январская дремлет метель,
в хвойных запутавшись иглах,
из-за ствола корабельного ель
в свитере снежном возникла.
Солнечный луч у высокой сосны
перехватив незаконно,
словно смычком на струне тишины
что-то играет знакомое.
Что-то забытое будит в груди
строгая зимняя пьеса.
Светловолосая, не уходи
в синие сумерки леса!

Эту мелодию ждал я давно
встретить на тропах закатных.
Чуть задержитесь в дорожном кино
неумолимые кадры!
Но за шлагбаумом крутит метель
снова свои серпантины.
Прячут от глаз уходящую ель
сосен гвардейские спины.
Прячется солнца недолгий каприз
в складках январского неба.
И растворяется маленький принц
в свитере белом из снега.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК ПОЭЗИИ

Я без улыбки не могу, не скрою,
читать стихи поэтов той поры,
когда была поэзия игрою,
ещё не знавшей истинной игры.
Их ранил тусклый свет аптеки рядом
или беззубый царский манифест...
Не тронутые настоящим адом,
они не знали, что такое крест,
когда за слово ставили под пули
или гноили в дальних лагерях...
Иные из поэтов тех уснули,
младенческие песенки творя.
Но были и такие, что, споткнувшись
о новых истин каменный порог,
сумели победить себя и ужас,
понять, каким порой бывает Бог.
Отбросив ненадёжную манерность,
«впав, словно в ересь»,
в чудо простоты,
они несли к ногам России верность,
живые — не бумажные цветы.
Так «будь же ты вовек благословенна»,
судьба страны, сумевшей превратить
гонимый дух серебряного века
в алмазную сверкающую нить.

ЗОЛОТОЙ ВЕК

И был январь, и падал с неба снег,
И становился на земле скрипучим.
И шёл по снегу новый человек,
И улыбался солнышку и тучам.
И был апрель, и падал с неба свет,
И становился изумрудным плюшем,
И в лужи превращался серый снег,
И человек, смеясь, шагал по лужам.
И был октябрь, и падал с неба дождь,
И вся земля испытывала вялость.
И под дождём бродил всё тот же бомж,
И вся ему природа улыбалась.
И вновь летел густой январский снег,
Неуловимый, словно ипотека.
И брёл полуодетый человек,
Веселый странник золотого века.

* * *

В молодые дни торопишь жадно
наслаждений резвого коня.
А под старость, путник безлошадный,
только руки греешь у огня.
Ничего они не удержали.
Потому в свой предзакатный час
повторяешь древние печали,
сказанные многими до нас.
Срок приходит — всё уходит в зиму,
словно флоксы в прошлогодний тлен,
Остаётся лишь невыразимость
божества в потоке перемен.
Как оно вселилось, это чудо,
в женщину, в цветок, в сиянье глаз?
И куда уходит из сосуда,
где свеча прекрасная зажглась?
Не дано нам ни поймать жар-птицу,
ни понять.
И сколько ни грусти,
всё, чем вдох успеет насладиться,
с выдохом на волю отпусти.
Исподволь, свободно и случайно
в небесах кочуют облака,
а из сердца в сердце эта тайна —
женщины,
поэзии,
цветка.

ЛАДОНЬ

Открытая ладонь, тебе даны права
Понять язык воды и что задумал воздух.
Касается тебя и солнце, и трава,
И запахи цветов, и шепот мыслей звездных.
Начертана в тебе судьбы грядущей нить
И знаки всех планет проявлены на коже.
Ты можешь все сломать и снова сотворить,
И быть ни на кого на свете не похожей.
Еще тебе дано любимых обнимать,
Им нежно гладить грудь, и волосы, и плечи...
И счастье потерять, и вновь его поймать,
И подпереть щеку в надежде новой встречи...

Одинокий костёр
ты зажжёт на излучке Катуня
уходящему солнцу вдогонку.
Вокруг ни души.
Всё, о чём бы во мгле
наступающей вдруг ни подумал,
облекается тотчас
в картины живые.
Пиши!
Например, как в костре
огнеликие ангелы бродят
или гном на огонь
из-за мшистого камня глядит,
как танцует вода
на катунском крутом повороте
и рождает из брызг
белопенных речных афродит.
Всё вибрирует жизнью
и смертью задымлено тоже
под лучами души твоей.
В ней и надежда, и жуть.
Ты на этой излучке
всего лишь случайный прохожий.
Дай же право поверить,
что ты её главная суть.

ДАЛЁКОЕ И БЛИЗКОЕ

В голове у меня
среди жёлто-зелёных сосёнок
протекает ручей,
он ленив, словно пленная рысь.
Но ведь где-то бежит
по холодным камням, как бесёнок,
и сверкает на солнце
весёлыми пятками брызг.
Это память меня
возвращает на горные тропы.
...По компьютерным клавишам
пленными пальцами бью,
всё пытаюсь вдохнуть
в чёрно-белые строгие строфы
синь алтайских вершин
и сердечную нежность свою.
Состязаться с природой —
привычное дело поэта
и, конечно, проигрывать
спор в безнадежной борьбе.
О, ручьи!
О, Катунь!
О, Белуха!
Полцарства за это!
Но вторые полцарства —
оставлю стихам и себе!

МЫ – РОССИЯ

Берёзы и снега,
Озёра и луга,
Приветливое солнце в поднебесье.
На много тысяч вёрст
Под тысячами звёзд
Звенит моя Россия, словно песня.
По ней топтался вор,
Душил ее измор,
Сгубить пытались дух ее и тело.
Но нас нельзя убить,
Продать или купить,
А также в европейцев переделать.

Мы не грозим войной,
Мы не трясём мощной,
Улыбки и слова у нас не лживы.
Мы даже смертный час
Встречаем без гримас,
Мы верим в то, что вечно будем живы.
Берёзы и снега,
Озёра и луга.
Небесная прохлада и отрада.
Нам не о чем грустить
И нечего просить.
Бог подарил России всё, что надо.